

18+

Вера Переятенец
Александриты
приносят счастье

Вера Переятенец

**Александриты приносят
счастье. Антикварный роман,
или Детективная история,
разгаданная экспертом**

«Издательские решения»

Переятец В. И.

Александриты приносят счастье. Антикварный роман,
или Детективная история, разгаданная экспертом /
В. И. Переятец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933634-7

«Александриты приносят счастье» — второй детектив петербургского искусствоведа, владелицы «Художественного бюро „Агата“» Веры Переятец. Это продолжение истории эксперта Вероники Смирновой. Она вновь сталкивается с убийством своей клиентки. Вопреки мнению полиции она считает, что разгадка преступления связана с уникальными старинными драгоценностями семьи Юсуповых. Ей предстоит раскрыть эту тайну и обрести любовь.

ISBN 978-5-44-933634-7

© Переятец В. И.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

**Александриты приносят счастье
Антикварный роман, или Детективная
история, разгаданная экспертом
Вера Переятец**

© Вера Переятец, 2022

ISBN 978-5-4493-3634-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Нет, день сегодня точно не задался. Как там говорят? «Это не день Бекхема...». Ну а чего вы хотели сударыня, если утро сложилось так неуклюже. А все из-за того, что, отправляясь в институт, великовозрастный сыночек никак не мог самостоятельно найти нужный конспект к зачету. Будто бы это она, его мать, или бабушка, готовилась с ним, лежа допоздна в гостиной на диване, обложившись подушками и укрывшись пледом, а потом засунула все это в комод, совершенно не подумав о том, что надо все разобрать, а не заталкивать одной кучей. Ну конечно, он так устал, так хотел кушать, а бабушка уже заботливо приготовила какао с булочками. Конечно, куда там разбираться.

Из-за того, что ее постоянно дергали, Вероника, торопившаяся не меньше «нашего мальчика», не смогла по-человечески размять косточки, да и причесалась кое-как. Одно утешение, что под шапкой это безобразие не будет так заметно. И вдобавок ко всему кофе убежал. Варить заново времени уже не было. Пришлось для улучшения вкуса добавить лимон, чего Вероника, воспитанная в строгих кофейных традициях, не очень любила, перекипевший кофе – это уж слишком. И заметьте, никто булочку маслом не намазал. Конечно, она же так, на прогулку собралась. Всего лишь деньги зарабатывать. А у «нашего мальчика» ответственный зачет. Нет, бабушка совсем его избаловала... И почему ей не готовили булочки, не искали конспекты, а было всегда готовое «ну а я то чем могу тебе помочь». И правда, чем. Ну ладно, все, хватить ворчать. В конце концов, это ее семья, они ее любят, и дороже этих двух людей у нее нет никого. А за ворчание она, похоже, наказана. Вот стоит тут на морозе уже минут десять и звонит в дверь. Странно, неужели Алевтина Михайловна не слышит? Она должна быть уже в мастерской, вон и свет в прихожей горит. Наверное, ушла в дальнейшее помещение и еще дверь закрыла от кошки. Слышно даже, как она вопит. А где тогда музейный охранник и дама? Опять они задерживаются или вовсе решили на службе не появляться. Им что – солдат спит, служба идет, зарплата капает, а до начальства отсюда далеко, связь только по мобильному, а там пойдешь, проконтролируешь, откуда тебе сотрудник отвечает – из кабинета или со своей кухни, тем более что она в соседнем квартале располагается. Да, живут же люди, а тут ноги кормят, причем частенько замерзшие.

Вероника потопталась еще немного на морозце, потом обошла дом вокруг в надежде, что где-то есть нижнее окошко и можно туда постучать, но дом, а вернее, мастерская покойного ныне выдающегося скульптора был устроен так, что окна располагались довольно высоко от земли, а огромный световой фонарь, необходимый в таких помещениях, был и вовсе на крыше. Хотя в конце шестидесятых, когда это сооружение возводилось как мастерская главного скульптора Ленинграда, основоположника непонятно какого реализма и лауреата всяческих премий, с криминалом было намного получше, но архитектор наверняка думал о надежности своего детища. Тут ведь не просто шедевры создавались, а сама идеология в бронзе и мраморе. Просто так не залезешь.

Нет, она точно замерзнет скоро. Градус-то крепкий на улице стоит. С утра все пятнадцать было. Как назло, в этом году, невзирая на глобальное потепление, выдалась очень холодная и снежная зима, так что все срочно достали из гардеробов теплые шубы и шапки, а одним из актуальных аксессуаров гламурной девушки стала лопата для откапывания машины из-под снега. Вероника, передвигавшаяся преимущественно на машине, не озаботилась надеть шерстяные носки, и поэтому сейчас она мерзнет. А это плохо, поскольку в мастерской отопления тоже нет. Даже батареи срезаны, только печка-камин в холле. А им с Алевтиной Михайловной осталось описать еще с десятков вещей, а они разбросаны где-то в неотопляемой части мастерской. С ее разговорами да воспоминаниями это может затянуться и на час. Так что сосулька

на носу и простуда после этого точно обеспечена. Словно поддерживая ее пессимистическое настроение, за дверью опять завывла кошка.

Да, не все деньги зарабатываются легко, но еще тяжело и холодно. Слова о том, что денег много не бывает, избиты и относятся к тем банальностям, что даже повторять в приличном обществе не стоит. Но это, увы, так. Конечно, у каждого человека это «много» определяется собственными расчетами. Как любила повторять одна покойная тетка Вероники, замечательная Евдокия Егоровна: «По доходам и расход». Вот ведь, кажется, все сделала она для того, чтобы иметь какой-то пусть маленький, но стабильный доход и накопления, но положила руку на сердце: что такое три миллиона? Ну получит она к осени где-то двести пятьдесят тысяч на проценты. Так это только на отдых съездить и гардероб обновить сыночку, маме и хоть как-то себя не забыть. А ведь жить нужно каждый день, платить по счетам, покупать продукты, иногда лечиться, машинку поддерживать запчастями, свежим маслом и зимней резиной, бензин заливать в нее, стеклоочиститель, мыть, в конце концов. И все это стоит денег, которые увеличиваются в геометрической прогрессии. Поездка в Карловы Вары и затем в Париж заметно облегчила те накопления Вероники, что удалось заработать на продаже картинки Воробьева. И после Нового года к ней вновь стало возвращаться уже почти забытое чувство тревоги о будущем и легкая нервная лихорадка. Кризис, о котором так много и упорно говорили по телевидению, всерьез и, похоже, надолго коснулся антикварного бизнеса. Не то чтобы денег стало меньше у людей, но расставаться они с ними стали точно сложнее.

Вероника уже всерьез стала искать какой-нибудь стабильный заработок. Но, увы, пока ничего не получалось. Милые тарелочки и венская бронза Лидии Семеновны, на которые с трудом удавалось найти покупателя, приносили минимальный доход – не более 500 долларов в месяц, и это была удача. Но это были те деньги, которые уходили на оплату двух квартир и бензина, а того, что оставалось, хватало лишь на покупку самого необходимого: стиральные порошки, мыло, шампуни и прочие радости гигиены. Она уже начало подумывать о том, что придется снимать с одного из счетов деньги. Или продать что-нибудь свое, как то ни печально. Нет, не елочку Матильды, а столовый гарнитур из карельской березы из профессорской квартиры. В конце концов, можно было как-то пережить это время. На пару-лет этого хватит, а потом еще через год нужно было бы поменять машину. Да, много денег не бывает....

К сожалению, то, на что она рассчитывала – сдавать квартиру покойной Клавдии Михайловны, тоже пока не получалось. Она была хорошая, но, увы, далеко от метро, без свежего евроремонта, что так любят среднестатистические граждане, и те деньги, за которые ее можно было бы сейчас сдавать, не окупили бы последующий ремонт и переживаний за погубленную мебель, заляпаные мраморные подоконники и залитые вином настоящие персидские ковры. Так что пришлось оставить эту идею.

Совсем неожиданно на голову Вероники свалилась эта работа. Деньги не бог весть какие, но если еще дополнительно суетиться, то на три месяца нормальной сытой жизни вполне хватит. Где-то сразу после новогодних праздников ей позвонил знакомый следователь из Петроградского РОВД. Вполне милый молодой человек Сережа, вернее, Сергей Васильевич. Из тех, что работали с ней по тому осеннему запутанному делу. Его за то, что он закрыл глаза на некоторые нюансы убийства директора питерского филиала антикварного аукционного дома, хорошо отблагодарили. Нет, не думайте, что там была бог весть какая жуткая коррупция, все было по-честному. Просто московские товарищи не хотели перед государством светить такое количество камешков. Ну правда, зачем, оно расстроится, захочет себе забрать, а они ведь, судя по срокам давности, ничьи. Формально, они были, конечно, Вероникины, поскольку она их обнаружила, и картины, в которых они были спрятаны, ей принадлежали по праву наследования, но она их продала этим антикварщикам всего за сто тысяч американских рублей. Да, конечно, копейки, но за этими камешками такой кровавый след.... Так что

она не в претензии. Пусть те товарищи сами с этим богатством разбираются, а она как-нибудь и этим довольна будет.

Так вот, этот Сергей Васильевич пригласил сделать экспертизу и оценить кучу вещей в рамках одного запутанного уголовного дела, которое было возбуждено еще три года назад и продвигалось с переменным успехом. Из общения со следователем Веронике стало понятно, что оно вообще выеденного яйца не стоит, и он, Сергей Васильевич, с удовольствием закрыл его, если бы не громкая фамилия всех фигурантов этого. Они все были не какие-то тюткины-пупкины, а Волокушины. И именно их выдающийся предок поставил самые известные памятники в северной столице, начиная от великого поэта и до блокадного. Даже перемены во власти не смогли поколебать его стабильного положения: он ставил памятники новым героям, пусть не таким революционным и воинственным, но способным вдохновить на нечто выдающееся. Михаил Ефимович прожил долгую, яркую жизнь, рядом с ним была верная подруга – тоже скульптор, правда, не такого масштаба и дарования, но все же удостоенная всех возможных наград советского времени.

У Михаила Ефимовича и Лидии Тимофеевны родились две прелестные дочки, выросшие в любви и заботе в этом оазисе образцового советского благополучия. Да и как этому не быть. В знак признания особых заслуг скульптора государство построило еще в 60-е годы для Михаила Ефимовича персональную мастерскую – дом в милом саду, которые еще чудом сохранились на активно застраиваемой Петроградской. У семьи была роскошная квартира на Песочной набережной, обставленная старинной мебелью. Для выросших дочек были получены уютные квартирки, тут же на Петроградской, чтобы рядом с папой. Папа был решатель почти всех девичьих проблем. Сначала образование – одна дочка закончила консерваторию, была концертмейстером в Ленконцерте, другая – Академию художеств и работала в выставочном зале Союза художников. Они были выданы замуж, родили прелестных внуков. Правда, потом мужья как-то испарились, но это не важно, папа же рядом. И даже когда рухнула советская власть, эта забота чувствовалась каждый день, правда, не в том объеме. Автор советской ленинианы не вызывал уже такого пиетета и трепета, так что отношение к «девочкам Волокушиным» на службе заметно стали попрохладней. Но не все так уж было страшно. Старшая девочка, Валентина Михайловна, прагматично ударилась в бизнес: в начале перестройки она, пользуясь связями нового мужа, выехала в Израиль, затем очень скоро оказалась в Америке, открыла там галерею «Валентина» и, пользуясь именем отца, стала вывозить из Союза и приторговывать картинами советских художников, вдруг вошедших в моду. Это помогло сколотить небольшой капитал и пустить его в оборот на нью-йоркской бирже. Так что бизнес процветал. А милая Алевтина Михайловна с тонкой артистической натурой музыканта начала тихонько попивать. Все попивала и попивала. И поводов для этого становилось все больше и больше.

Да и как тут не сходить с катушек. Сначала ее негодная дочь родила от какого-то торговца-кооператора внука. И это в восемнадцать лет, вместо поступления в институт! При таком-то дедушке! Как можно, вроде бы и девочка из хорошей семьи! Конечно же, семья не приняла мерзавца и всячески противилась этой связи, но все делала, чтобы ребенок воспитывался «правильно», то есть ходил в элитный детский садик, но эта неблагодарная сначала отказалась учиться в институте, а пошла работать в ларек с этим мерзавцем, и вскоре они открыли свой магазин, где торговали не картинами, как Валечка в Америке, а пошлыми сосисками и овощами. Мерзавец купил машинку, а потом вместо своей комнатки в коммуналке и квартирку, а после смерти великого дедушки забрал мальчика из элитного садика, где тот общался с детьми и внуками достойных людей – актеров, певцов, художников, – и перевел его в обычный районный, и в школу он пошел не с утонченным английским уклоном, а с биологическим, и теперь мальчик, этот ангел, потрошит гусениц в стандартном учреждении в Приморском районе на Комендантском аэродроме.

Но самое страшное случилось после смерти Михаила Ефимовича. Следом через несколько месяцев ушла из жизни и его супруга. И к этому горю добавились еще и бытовые трудности. Как то в одночасье кончились деньги, почести, спецраспределитель, родная сороковая поликлиника и прочие блага, все еще полагающиеся академиком, несмотря на всю борьбу с привилегиями в новой России. Просить у мерзавца, погубившего дочь, не позволяла высоко-родная гордость. Кое-что приходилось продавать, а тут еще получилось так, что после смерти академика многие попытались забыть о его величии. Мастерская стала частью Музея городской скульптуры, куда были закуплены по каким-то смешным ценам лучшие работы, находившиеся там: эскизы гипсовых фигур, отлитая бронза и часть мемориальных вещей. Музейщики собрали все сливки, но скульпторы, а там остались еще и работы маменьки. Родители были очень и очень плодовиты, и вещей было еще весьма много. И Алевтина Михайловна билась и билась, как рыба об лед, чтобы пристроить оставшееся наследие все, целиком, но желающих почему-то не было даже на отдельные работы. Ответственные работники уходили от прямых ответов, говоря о том, что у них Михаила Волокушина в фондах и так много, а финансирование небольшое... Нет, прямых намеков на откат не было. Но дочь главного коммунистического скульптора даже и не знала что это такое. Алевтина Михайловна возмущалась, расстраивалась и, конечно, попивала. Она просто не понимала, как это может быть – слишком много внимания гению. Да ладно все эти современные горе-чиновники. Вон в родной семье какой конфуз случился...

Собственно, из-за этого конфуза Веронике и обломилась эта работа. Дело в том, что у великих людей частенько бывают нерадивые наследники. И Михаил Ефимович в том не исключение. Таковым оказался внук академика Адриан. Талантливый, подающий надежды юноша, но слабохарактерный. Он был сыном старшей дочери скульптора от первого брака. И когда мамочка отъехала в Америку, он остался доучиваться в стране. Художественная школа была уже закончена, Академия художеств, где преподавал дедушка, радушно открыла свои двери. Он бы и закончил ее, если бы дедуля умер чуть попозже. А то оказалось вскоре, что и рисует юноша слабовато, и композиция никуда не годится. Все к одному. У Адриана появились какие-то приятели, которые щедро наливали. Жена Сонька, с которой он жил в маменькиной квартире, стала частенько выгонять его из дома. Юноша был вынужден порой ночевать в мастерской деда. Ну и что, что это теперь музейная собственность – да он там вырос. Поначалу музей отнесся с пониманием, даже оформил юношу официально на работу. В этой неразберихе девяностых никто особо не хотел брать на ответственное хранение мастерскую с шедеврами, и Адриан как бы присматривал за мастерской и получал зарплату сторожа, а когда на эти копейки друзья переставали наливать, начал потаскивать кое-что на продажу из наследия. Надо отдать ему должное, что тащил он как раз из того, что принадлежало семье: картинки с автографами великих художников, среди которых были рисунки Леже и Кента, бронзовые отливки Ленина, которые в качестве сувениров охотно брали иностранцы. А когда ликвидное наследие закончилось – срезал батареи центрального отопления и сдал в металлолом. Однажды Алевтина Михайловна, заботившаяся о памяти папеньки, заглянула в мастерскую и пришла в ужас. Призвала милицию, срочно возбудили уголовное дело о покушении на кражу. Самое интересное, что рисунки и более-менее ликвидную скульптуру вернули практически всю – она хранилась на квартире у заразы Соньки, готовившейся к отъезду и отстегивавшей бывшему на опохмелку за автографы Леже и Кента по тысяче рублей. Но их пришлось вернуть. А Адриана прилетевшая маменька срочно вывезла в Америку, но дело открыли, и назад возврата уже не было. Оно медленно, но верно продвигалось. Вероника полагала, что интеллигентное благородство Алевтины Михайловны было не столь благородным и бескорыстным. Ведь, как-никак, стоимость имущества, которое предполагалось украсть, оценивалось не в одну тысячу долларов, и Алевтине Михайловне нужно было это дело против племянника, чтобы заставить раскошелиться сестрицу, а то сидит там себе в Америке, устроила бизнес благодаря папочке,

а она тут одна печется о его светлой памяти. Вот пусть ее сыночек посидит у нее на коротком поводке. Для этого все и было затеяно, а в качестве эксперта-оценщика Веронику и пригласил знакомый следователь.

Работать с Алевтиной Михайловной было трудно. Вроде бы она торопилась, но при этом ее трудно было застать дома, то назначала встречи каждый день, даже накануне Нового года, то пропала больше чем на две недели, когда всего-то осталось описать и сфотографировать какие-то восемь вещей. Вероника не хотела думать плохо о столь почтенной даме, но скорее всего она уходила в запой. И, вот, наконец, эта последняя встреча была назначена, и Вероника надеялась, что через дня три-четыре она сдаст работу и вскоре получит денежки. Те самые, которые всегда кстати. Вот поэтому она и стоит здесь и мерзнет. Правда, странно как-то все. Вроде бы и дама музейная должна подойти, и самой бы Алевтиной Михайловне пора проявиться. Вероника достала мобильник и позвонила наследнице. Но звук «Интернационала», который так удивил ее при первом встрече, зазвучал совсем рядом за дверью, и опять завывла кошка.

Да, дело плохо, похоже, мадам бросила мобильник у зеркала или где-то рядом в прихожей и, не слыша его, копается в дальнем углу дома. Странно, что звонок так отчетливо звучит за двумя дверями. Очень странно. Послышалось такое явное царапание кошки, так противно когтями по железу. Вероника взялась за ручку двери, и та открылась безо всяких препятствий. Чуть не сбив ее с ног, выпрыгнула кошка Муся. На снегу от ее лап остались подозрительные розовые следы. С трепещущим сердцем, не ожидая ничего хорошего, Вероника толкнула вторую полуоткрытую дверь и с ужасом увидела причину этих странных следов – огромную лужу крови и седые волосы Алевтины Михайловны, заплетенные в косицу с неопрятной резинкой. Она с трудом сдержала рвоту и попятилась назад. Дальше смотреть не было сил. Через минуту придя в себя и отдышавшись, она набрала телефон того самого знакомого следователя.

– Алло, Сергей Васильевич, это Вероника. Вы на работе?

– Да, а вы куда пропали? Вам по договору через три дня экспертизу сдавать.

– Да, да я знаю. Сергей, я стою на пороге мастерской, мы договорились с Алевтиной Михайловной, она должна была найти последние вещи, но я сначала не могла попасть сюда, а когда толкнула дверь, то увидела...

– Только не говорите, что вы опять вляпались в убийство.

– Да я не знаю, Сергей, но она там, в луже крови, я боюсь... Что нужно делать в таких случаях?

– А в милицию звонили?

– Нет, я только вам...

– Так только не трогай ничего, стой, где стоишь, я сейчас с дежуркой свяжусь и приедем.

Звони в «скорую», может, еще жива.

Позвонив на 03, Вероника стала ждать. Надо сказать, что все сработали оперативно. Она не успела даже окончательно замерзнуть, как послышался визг сирен и на узкой дорожке показалась сначала милицейская машина, а за ней уже знакомая красная иномарка, из тех, что собирают под Питером. На ней теперь как «большой» передвигался скромный следователь Сергей. Конечно, в обретении этого маленького личного чуда в немалой степени способствовал тот факт, что дела об убийстве Клавдии Михайловны, известного антиквара и его секретарши были закрыты именно так, без подробностей о бриллиантах, безделушках Фаберже, принадлежавших Матильде Кшесинской. Кое на что он закрыл глаза, но вообще это было не существенно, поскольку главная история была правдивой. Был осужден именно настоящий преступник, те, кто хотел, получили свои сокровища, да и Вероника осталась не в накладе. А следователи, тактично закрывшие глаза, получили вот по такой машинке. Виктор почему-то выбрал красненькую. Немного девичий вариант, но вполне прилично для скромного следователя.

– Ну что, скорую вызвала?

– Да, может, еще позвонить, поторопить?

– Подожди, сейчас наши эксперты посмотрят, может уже делать нечего. Ты надеюсь, не хватала тут ничего?

– Нет, я только дверь открыла и заглянула.

– А это что за пятна?

– Кошка лапами натоптала и шуганула куда-то с перепугу. Хотя нет, вон на дерево залезла. Бедненькая, тоже испугалась.

– Если бы она еще говорить успела! – Это в разговор включился дежурный следователь. – А так не свидетель. Ну, что там, Васильевич? Скорую ждатель?

– Нет, не стоит, они уже не помогут. Умерла совсем недавно, но уже наверняка. Сейчас я своим позвоню, заберут. А я пока осмотрик сделаю. Кстати, а как насчет понятых. Вас, девушка, можно пригласить, хотя вы и так ценный свидетель. Найти бы кого-нибудь второго.

Сергей постоял еще на пороге, прежде чем войти в дом, покурнул. Вероника тоже как-то не торопилась зайти в мастерскую. Они не заметили, как сзади подошла полная невысокая женщина. О таких говорят «неопределенного возраста». Ей можно было дать и тридцать пять, и все пятьдесят. Немного блеклое лицо без косметики, длинный пуховик ядовитого цвета и короткие штанишки-капри, открывающие полусапожки на толстой подошве.

– Нет, а что такое? Это вообще музей, тут вещи на ответственном хранении. Вероника, что за толпа? – Дама явно рвалась вперед мощной грудью. И, как бы обжегшись, отпрянула назад, поскользнулась и упала навзничь. Хорошо, сугроб был мягкий.

– Ай-ай-ай... Там, там... что это?

Следователь помог ей встать.

– Вы осторожней, дама. Мы тут, как поняли, не просто так. Я Васильев, Сергей Васильевич, следователь Петроградского РОВД. С Алевтиной Михайловной несчастье. А вот Вы кто, собственно?

– Да, да, сейчас... Я Птушкина Тамара Вячеславна. Хранитель этой мастерской. Старший сотрудник Музея городской скульптуры. – Дама порылась в сумочке и достала удостоверение в красной пластиковой обложке. – Дело в том, что здесь еще все перемешано, вещи наследников здесь, наши экспонаты, и без моего присутствия здесь никто не может находиться.

– Так значит, вы были здесь, когда все случилось.

– Ну, нет, Вы понимаете, я опаздывала, позвонила Алевтине Михайловне, предупредила. Понимаете, мы же давно знакомы, потом, мы соседи. Она зашла, забрала утром ключи, а я еще своих завтраком покормила и сюда. Конечно, это нарушение, но не криминал же.

Следователь внимательно стал прислушиваться.

– А вы далеко живете?

– Да здесь недалеко. Ой, да вы что думаете?

– Я еще не думаю, я уточняю. Ладно, Васильевич, можно заходить?

– Давайте.

– Пошли, понятными еще будете.

Осторожно, боком, сторонясь, чтобы не наступить на пятно крови, все прошли в прихожую.

Там, несмотря на открытую дверь, было еще очень тепло, пахло дровами, и мирное их потрескивание никак не вязалось с этим беспомощным телом пожилой женщины. Она лежала, раскинув руки в нелепых ярких кроссовках, обутых на шерстяной носок, и кроличьей телогрейке. Рядом валялась бронзовая статуэтка Ленина – уменьшенная копия того, что стоит на Московском проспекте. Его вытянутая рука с кепкой была в крови. Похоже, ей ею и убили. И именно она была одной из тех восьми, что Веронике необходимо было сфотографировать и обмерить.

– Ой, тот самый Ленин.

– Что значит тот самый?

– Она должна была найти еще несколько вещей, ну для экспертного заключения. Этого Ленина, пару «пушкинов» и штук пять картин. Из подарков академику. Да вот они все и стоят у стола. Она действительно все подготовила, и мы бы сделали все за пять минут, если бы...

– Так, так, так... Замечательно, может, она как раз вышла с ним дверь открывать, а тут ее им и стукнули. Значит, не со своим убивать пришли, а может, и не убивать вовсе.

– Сергей Васильевич, я понимаю, что это как-то неуместно, но можно я сфотографирую и измерю все, и Ленина этого тоже? Если Тамара Вячеславовна не возражает, конечно.

– Господи, да как же вы можете так цинично?

Милейшая музейная дама Тамара Вячеславовна пухлыми трясущимися руками достала тонюсенькую дамскую сигарету, отвернулась, закурила.

– А впрочем, делайте что хотите. Боже, как бестактно и цинично...

Конечно, цинично до безумия. А Веронике всегда хотелось быть вот такой утонченной, нервной, интеллигентной и не циничной. Ей и сейчас хочется убежать отсюда и забыть об этой злосчастной экспертизе. Но доделывать ее придется только немного позже, и сдавать, соответственно, тоже, поскольку дело это еще неизвестно чем обернется. Все опечатают, потом не подступиться будет. Только и деньги она получит уже значительно позже и с учетом штрафных санкций, которые на нее будут обязательно наложены, причем без всяких скидок на объективные обстоятельства. А зарплату ей в этот момент никто платить не будет. Конечно, нельзя упрекать Тамарочку Вячеславну. Она принадлежит к клану святых музейщиков, работающих не за зарплату, а за совесть. Правда, эта совесть и абсолютно не циничное поведение не мешали в начале их знакомства непрозрачно намекать Веронике о необходимости сильно отблагодарить ее за то, что та деньги зарабатывает на подведомственной ей милой даме территории. Да, хоть маленький откатик, но поиметь хотела. Нет, это не откат, а восстановление справедливости. Она тут сидит, служит, а эта, неизвестно кто, работу по договору выполняет, могли бы и к ней обратиться, старому музейному работнику. Правда, она аттестацию не проходила, но какая разница...

Но следователь не стал воспринимать ситуацию столь трагично.

– Знаешь, давай, правда, если ты в состоянии, сделай все, а то заканчивать эту бодягу нужно, сейчас с этим делом на меня начальство давить будет. А так будет оценка, значит, и американскому племяннику предъявлять будет что. Даже если заявитель умер, то мы можем с него доход в пользу государства взыскать... В общем, разберемся, в пользу кого.

«Да, оборотень в погонах еще тот, – про себя шутя подумала Вероника, – наверное, почувствовал, что без Алевтины Михайловны дело обрело новый вид и солидную коррупционную составляющую».

Трясущимися руками Вероника сфотографировала и измерила картинку, внесла все данные в маленький портативный ноутбук. Тем временем тело Алевтины Михайловны увезли, и на полу остался лишь обведенный жуткой меловой чертой контур фигуры и уже почти замерзшее пятно крови. Злополучный Ленин стоял рядом. Вероника, ели сдерживаясь и с трудом выбрав такую позу, чтобы не смотреть на меловой контур и кровь, присев на корточки, измерила рулеткой высоту скульптуры и сфотографировала ее. Ну, теперь можно было выдохнуть, но природу не обманешь... Как ни сдерживала она себя, вдруг почувствовала, как предательская тошнота подкатила к горлу... Зажав рот рукой, она пулей побежала в туалет. Уже отдышавшись, поняла, что как-то все не аккуратно получилось. Вероника умылась и, оглядевшись, решила убрать за собой, но ничего подходящего не увидела. Шатающейся походкой вышла в прихожую.

– Ну что, полегчало?

– Да, как-то я не ожидала. Тамара Вячеславовна, мне бы там убрать нужно. Тряпка у вас где?

– Ну, не знаю, у уборщицы в каморке, но там заперто. Да вон за картинами под зеркалом что-то валяется, занавеска какая-то, возьмите.

– Спасибо, я постираю и принесу потом.

– Да бросьте. Это вообще не наше, наверное, Алевтина притащила с собой, картины заворачивала или еще что. В мусор выкиньте.

Вероника вытащила какую-то пыльную штору из-под зеркала, притерла ей в туалете и сунула ее в пакет. Потом постирает, а может, и выкинет.

– Ну, все, я закончила, Сергей Васильевич, дня через три доделаю заключение, распечатаю и вам принесу. Можно идти?

– Э, нет, куда. Во-первых, ты у нас главный свидетель, а тот, кто труп нашел, еще и первый подозреваемый. Это раз. И потом, нам понятия нужны. Сейчас пойдем все осматривать, может, пропало что. А, Тамара Вячеславовна, вы как, готовы к осмотру?

– Да ладно, чему тут пропадать. За гипсовых Ленинов не убивают.

– Вот мы сейчас и посмотрим, за что... Ведь не просто так же ее убили, хотя и маньяка тоже исключать не надо. А что, маньяк с Петроградской, убивающий старушек бюстами Ленина. Прекрасная версия. Может, она его в пионеры не приняла в свое время.

– Боже, как вы можете... – Тамара Вячеславовна опять закурила. – Какой цинизм. Тут человек погиб, а вы ёрничаєте.

– Это не цинизм, а защитная реакция. Панцирь своего рода. Если я как Вы на все реагировать буду, нервно и утонченно, то точно не доживу до положенной мне пенсии, а через пару лет сгорю на работе от водки или инфаркта. Мне по трупу работать нужно, а не сантименты разводить. Так что давайте, милые дамы, пройдемся тут и посмотрим, а вы что заметите, мне расскажите. Давайте, давайте, Тамара Вячеславовна, соберитесь. Ну, покурите еще.

– Да вам легко так говорить, а мне работать тут, я в этом сарае без отопления и охранник, и смотритель, и научный сотрудник.

– А, кстати, куда ваше начальство смотрит, тут же материальные ценности, почему все на хрупких плечах молодой женщины? Я поговорю, чтобы вам сюда охранника прислали.

– Да есть он, только на праздники отпросился к матери в деревню. Ну, тут вроде было тихо все, я и не возражала.

– Так, очень интересно, еще один фигурант вырисовывается. Смотри, Василич, как интересно: не больше часа работаем, а куча народу по делу проходит. Кто таков этот охранник?

– Да что вы, милый молодой человек. – Тамара Вячеславовна даже порозовела от смущения. – Он из Молдавии, здесь на заработках. У нас работает почти год. Дежурит ночами, ну, иногда и днем остается. У него недавно с жильем проблемы случились, ну а тут комната наверху осталась от Михаила Ефимовича оборудованная, так он почти безвыездно тут, а на праздники отпросился.

– Нет, мне положительно этот фигурант нравится. Живет тут сутками среди ценностей, а как только пропадает, раз – и старушку убили.

– Нет, ну прекратите. Зачем она ему? И потом, он такой милый молодой человек... Вы знаете, и дрова он колет, и какие проблемы: замок там заест... Окна вон все укрепил, а то сквозняки, знаете ли, тут были. Он, вы не думайте, официально оформлен, и у него регистрация есть. Нам с этого года финансирование на ремонт собираются дать, так он и его организовать собирался, директор с ним разговаривал на эту тему...

«Да, судя по розовым щекам Тамарочки Вячеславовны, этот Михай Семенович из Молдавии был действительно мужчина хоть куда. Интересно, она такая глупая или тонко прикидывается? Какой ремонт, когда по закону тендер нужен? Или его выиграет очередная фирма очередной чиновничьей жены или директора, а реально будет ремонтировать бригада молдаван. Ну, это не мои дела», – решила про себя Вероника.

– Ладно, насколько он хорош, это мы разберемся, давайте смотреть. Вы, Вероника, кстати, тут частенько бывали?

– Да, дня четыре плотно работала. Нет, не целый день, конечно, тут и за полдня околоть можно, но для того, чтобы все осмотреть, часов по пять приходилось здесь проводить. Могу доложить, что по мастерской в разных углах расставлено около 80 предметов по вашему списку. Все описаны, обмерены, сфотографированы. Мы их, кстати, с Алевтиной Михалной, по возможности, в одно помещение снесли, ну, туда, где супруги академика мастерская была, а то, что неподъемно, то и осталось на своих местах.

– Тогда начнем. Серега, ну заканчивай тоже перекур, пошли. Давайте, Тамара Вячеславовна, командуйте, откуда начинать нужно.

– Ой, давайте с кабинета. Может, грабитель туда залез – там ведь компьютер, факс, чайник, обогреватель, даже шаль моя есть.

– Ну, если так, тогда это уровень наркоманов и алкашей, есть шанс раскрыть. Ведите.

Дружной толпой они поднялись по лестнице на второй этаж. Тамара Вячеславовна после долгих поисков в сумочке обнаружила ключ и открыла дверь в кабинет. Вопреки ее опасениям, здесь все было нетронутым. Сквозь полузакрытые шторы пробивался свет, на стуле висела шаль и стояла недопитая чашка коричневой жидкости.

– Все вроде бы в порядке...

– Точно все? Может, по шкафам какие вещи пропали?

– Да какие вещи, бумаги одни, книги, а в сейфе мы чай, печенье держим от мышей, Муська одна не справляется.

– А вы посмотрите, посмотрите все повнимательней.

Тамара Вячеславовна медленно прошла по небольшому кабинетику с вытертым линолеумом на полу и дешевенькими ситцевыми шторами с яркими оранжевыми цветами на окнах. Бетонные стены были покрашены водоэмульсионкой. При Михаиле Ефимовиче здесь была так называемая «светелка» – одна из двух комнат для отдыха, которая использовалась как раз по назначению, и в ней частенько оставались ночевать кто-то из членов семьи: сам Михаил Ефимович, после трудов праведных любивший пропустить немаленькую стопку, а иногда и молодежь для романтических свиданий. И шторы, и старенький линолеум остались оттуда из шестидесятых, поскольку интерьерными изысками в семье не любили заниматься.

Здесь действительно никого не побывало. Вдобавок, желая удостовериться в сохранности всех вещей, гремя ключами, музейная дама открыла сейф, в котором мельком взглянувшая Вероника увидела не только сахар и печенье, но и початую бутылочку коньяка. Видимо, дама так согревалась, а может, и охранника чаем угощала. А что – они тут, бедные, сидят целыми днями вдвоем, чем им еще заниматься. Сама мадам разведенная, дети взрослые, а тут вполне еще трудоспособный молдаванин... Романтика. Судя по тому, с каким трепетом она пошла показывать его сторожку, располагавшуюся в во второй комнатке для отдыха, так и есть. А что – да тут совсем миленько: кровать аккуратно застелена, из-под пледа выглядывает свежее белье в розовый цветочек, даже на полу коврик небольшой присутствует, и занавесочки не такие пыльные. Вполне уютное гнездышко. А Тамара Вячеславовна не настолько проста, как это кажется... Нет, прелесть что такое, милашка.

– А это что за дверь, тут что, еще одна комната?

– Нет, это пожарный выход. Закрывается изнутри на крюк и английский замок. Смотрите. Ой, я вроде вчера закрывала...

Открыв внутреннюю дверь, музейная дама расстроено смотрела на металлическую дверь, окрашенную в красно-кирпичный цвет. Она закрывалась на английский замок – защелку и изнутри еще на крюк, так что снаружи ее было не открыть, но вот если откинуть изнутри крючок, то, выйдя, можно было просто захлопнуть. Следователь приоткрыл замок: дверь открывалась на второй этаж пожарной лестницы. Он осмотрел все пространство, но найти какие-то

следы было просто невозможно: тоненькие прутья, а внизу дорожка была просто расчищена до асфальта и густо посыпана солью. Да, коммунальщики где не надо только работают.

– Так закрывали или нет, Тамара Вячеславовна?

– Да, закрывала, а может, и забыла... У нас же сигнализация. Если бы кто влез посторонний, то сработала.

– Придется вспомнить. Пошли дальше. И вы смотрите в оба, если что не так... И к вам, Вероника, просьба. Вы покопайтесь в своем фотоаппарате, сейчас сравнивать будем, если что не так, вам придется поделиться информацией. Там ведь наверняка помимо самих вещей еще и куски интерьера. Так что давайте. Сергей, ты готов?

– Да, Сергей Васильевич, поехали.

Внутреннее пространство особняка на Вяземском для своего времени было идеально спланировано для работы двух скульпторов: одного большого великого и его соратницы. Там были две рабочие комнаты с верхним светом. Одна – просто огромная комната, метров около сотни с двумя кругами подиумов с поворотными механизмами и специально придуманными подставками для транспортировки по тут же проложенным рельсам к запертым на прочные засовы воротам в полстены. Это чтобы готовую скульптуру из гипса завод для отливки отправлять. Памятники у Михаила Ефимовича все исключительно из бронзы были. На одном из подиумов – в натуральную величину эскиз из гипса центральной группы блокадного памятника. Здесь больше всего было признаков музеефикации. В расставленных по периметру шкафах – многочисленный рабочий материал: гипсовые и пластилиновые эскизы к разным монументам. Материал с точки зрения исследователя ценный, но с коммерческой – совсем не перспективный. Надо сказать, что основная масса из того, что Вероника описывала, как раз отсюда, из этих шкафов. Особенно те вещи, что в лучшей сохранности. Материал весь так и хранился вместе. Алевтина Михайловна все еще надеялась, что и его купят в музей, но те отобрали только то, что наиболее экспозиционно, а многие вещи просто в ужасном состоянии, их, даже учитывая величину таланта Михаила Ефимовича и светлую его память, безо всяких упреков в вандализме можно было уничтожить.

Ну скажите, какой исторический и художественный толк от оплывшей и потерявшей форму эскизной группы из пластилина десятого варианта памятника партизанам? Или восьмого варианта из гипса танцующих девочек с перебитыми руками и ногами? Понятно, что для археологов дороги все черепки, но это был еще не тот культурный слой, о котором нужно жалеть. Вообще, странно: Вероника знала, что многие художники хотя бы раз в год чистят сами свои мастерские, делая отбор наиболее ценных работ, но здесь было столько откровенного мусора, что начинаешь верить, что в последние годы Михаил Ефимович мало работал и попивал, а последние заказы тянула супруга.

Было видно и без детального осмотра, что и в этом помещении ничего не тронуту. Статуэтки стояли в шкафу с привязанными бирками. Все отображало музейный порядок: на стекле около каждой полки приклеены списки с тем, что здесь стоит. Совместными усилиями они за полчаса осмотрели и пересчитали предметы. Все действительно было не тронуту.

Помимо музейных шкафов с работами, закрытыми на ключ, повсюду стояли музейными тумбы-подставки, на которые заботливые руки Тамары Вячеславовны, не без помощи охранника, водрузили затонированные гипсовые головы разных героев войны и труда. Наличие музейных бирок и тумбы несколько смягчали ощущение кладбищенского некрополя, ведь оригиналы этих шедевров располагаются в основном на Серафимовском и Никольском кладбищах Питера. В годы перерывов между памятниками это – источник немалого семейного дохода. Поговаривали, что в основном создавала эти шедевры супруга академика. Она человек талантливый и сама делала интересные проекты, но здесь автором значился Михаил Ефимович, а за его имя всегда дороже платили. Но разбираться в этом сейчас уже никто не будет, да и зачем знать родственникам, что они сильно переплатили за надгробье.

Мастерская супруги академика была рядом. Небольшая, метров пятьдесят, с центральным кругом побольше и двумя подставками – станками для работы. Здесь были собраны не только ее вещи. По полочкам расставлены небольшие макеты статуэток, по стенам – фотографии памятников, гипсовые рельефы мемориальных досок, которые та активно создавала. Здесь же много из того, что не сочли ценным неблагодарные музейщики: картинки внуков, портреты дочерей, написанные другом семьи.

Этот интерьер почти весь был заснят Вероникой, поскольку огромные фотографии значились в списке работ, предназначенных для экспертизы.

– Знаете, здесь даже считать ничего не придется. Смотрите, я стены снимала, тут почти все, можете сравнить.

– Да, отлично, потом на почту скинешь. Пойдемте дальше. Что тут еще есть?

– Да кабинет Михаила Ефимовича. Вот он, закрыт.

Кабинет был действительно закрыт, и тут царил относительно идеальный порядок. Все так же не тронут – на полках ряды книг, старинный стол, оригинальное кресло из дуба, по семейной легенде, созданное архитектором Белогрудом для себя и впоследствии подарено Михаилу Ефимовичу его вдовой, с которой они дружили. У них дома находился и фамильный сервиз Белогруда, и его столовое серебро. Алевтина Михайловна говорила, что это была оплата за памятник на его могиле. Это, кстати, не единственная расплата антиквариатом. В квартире Вероника обратила внимание на прелестные фарфоровые кашпо и вазу молочного стекла – тоже результат мемориального бартера.

– Ну что?

– Да, на первый взгляд, все в порядке.

– На второй тоже. Я помню каждую вещь здесь. Все в порядке.

– Ну, значит, все осмотрели? Вообще непонятно, за что убили? Смерть ради смерти...

Пора закругляться. – Видно было, что за полтора часа хождения по замороженному пространству следователь порядком замерз. Да и дамы уже хлопали носом. Организм явно просил согреться горячим чаем.

– Ага, давайте заканчивать, а чайку я сейчас заварю, – ожила музейная дама. – А мы уже все осмотрели. Только кладовка-форматорская осталась.

– Тогда давайте посмотрим, и все, закругляемся, а то околеем.

– Да там ничего ценного нет, так хлам.

– Ну, Тамара Вячеславовна, мы же не ценности ищем, а улики, восстанавливаем следы преступления.

Форматорская – это, конечно, условное название, на самом деле там хранились рабочие материалы, небольшие запасы глины и арматуры, в выгороженном помещении находились шкафчики для рабочей одежды, небольшой стол со стульями, где подсобные рабочие устаивали перекур и, чего скрывать, иногда выпивали. Сам Михаил Ефимович ничего подобного с рабочим классом не делал, соблюдал дистанцию.

Тамара Вячеславовна включила свет на щитке, и они дружной толпой прошли снова через большую мастерскую в дальний угол, где и находилась та самая форматорская. Открыв дверь, все остановились на пороге. В этом помещении среди грязи и пыли, разбросанных кусков гипса, горы пересохшей бурой глины аккурат посередине белоснежной глыбой лежали куски великолепного мрамора, бывшего когда-то скульптурой.

– Ой, Марсик упал и разбился... – Тамара Вячеславовна удивленно смотрела на все это античное великолепие.

– Так, какой Марсик, как разбился, когда, сколько стоит?

– Ну, это не ко мне, я считаю, что всякое искусство бесценно, это вообще не наше, это к вам, Вероника.

– Ну, Вероника, что за Марсик?

– Вообще-то не Марсик, а Марс, римский бог войны, но не факт, что это он. Это скульптура действительно семье принадлежит, но Алевтина Михайловна его даже в списки не включила, поскольку считала, что он столько весит, что никаких поползновений со стороны племянника даже быть на него не должно. Хотя это, пожалуй, наиболее ценная вещь из всего, что здесь хранится.

– Ну, я бы поспорила с вами.

– Я имею в виду практическую, материальную сторону дела, Тамара Вячеславовна.

– Не отвлекайтесь, дамы. Откуда и зачем это чудо здесь?

– Да вы знаете, этот мужской торс в латах и драпировках, возможно, античного происхождения. На худой конец, итальянского XVIII века точно. Дело в том, что Михаил Ефимович, до того как ему государство эту мастерскую отгрохало, лет этак сорок назад творил в бывшей оранжерее Юсуповского дворца. Ну, знаете, где сейчас ресторан «Дворянское гнездо» размещается. Так вот, этот торс там еще с XIX века стоял, Юсуповы его из Италии выписали, а Михаил Ефимович, когда оттуда переезжал, решил его потом с собой прихватить, видно, мрамор ему понравился, да так и не приспособил ни подо что. Он все в бронзе отливал, у него манера работы такая импрессионистическая была, он пластику пальцами чувствовал. Алевтина Михайловна, кстати, собиралась его продавать. Она даже меня просила найти покупателя. И знаете, один человек заинтересовался, на дачу хотел увезти, с ландшафтным дизайнером приходил, советовался. Я не знаю, дал ли он ей задаток, но весной вроде собирался увозить.

– А вы бесплатно работали?

– Нет, Алевтина Михайловна со мной бартером рассчиталась – кашпо отдала одно, вполне миленькое. Я подумала, в хозяйстве пригодится.

– Это поповское? – быстро и заинтересованно спросила музейная дама.

– Да нет, то кузнецовское, с зелененькими листьями. Мне как раз под розовый куст вполне подойдет.

– Не отвлекайтесь от процесса, дамы.

– Так, собственно, все.

– Как все, а где он лежал, почему здесь???

– Он не лежал, он стоял, тряпкой прикрытый, а после того, как покупатель приходил, так Алевтина Михайловна его еще и ватником от мороза прикрыла, утеплила, значит. Так что я думаю, что он не по своей воле упал. Да еще чтобы разбиться... Странно – ватник вон валяется, а потом, даже если он на бок упадет – ну скол будет. Представляете, сколько он за свою жизнь падал и ничего, а тут как пачка сахара рассыпался. Может, кто-то его так расколол. Только вот зачем? Может, тайна какая-нибудь?

– Так, Вероника, успокойтесь. Пожалуйста, никаких тайн. Может, вообще все прозаично. Алевтина Михайловна попивала? Попивала. Может, она с утра тяпнула с случайным ханьгой, тому мало, она больше не дала на опохмелку, тот давай колошматить все вокруг, саданул этого Марсика, ну заодно и Алевтину Михайловну – надо, кстати, проверить ее наличность и сумочку – и сгинул.

– Да нет, там в сумке триста сорок рублей в кошельке лежат и ключи с мобильником, все не тронуто. Странно, за триста сорок можно много водки купить, еще на закуску останется. А может, тут у нее несколько тысяч было, мы же не знаем. Вот никто и мелочиться не стал.

– Умный ты, Серега, не по делу комментируешь.

– Да я так, Сергей Васильевич. Вы уж извините...

– Но Марсик-то причем. Разве может алкаш с такой силой ударить?.. – опять пыталась возразить Вероника.

– Ладно, мы тоже умные. Вон, я читал, алмаз – прочнейший материал, а его ведь тоже раскалывают, главное, в нужную точку попасть. Так и здесь. Человек случайно в нужную точку попал, и все получилось.

– Но вдруг за этим что-то стоит? Ведь сюда еще дойти нужно, до этой каморки, и знать нужно, что тут такой кусок итальянского мрамора стоит. Ведь полно же всего, что на виду и более хрупкое, чтобы разбить можно.

– Да ладно, это уже не ваше дело, мадам. Я, конечно, проведу экспертизу, а вы пока тут все снимите, зафиксируйте; и пойдемте, я ваши данные перепишу, потом вызову, вы мне протокол подпишете, а вы, Вероника, успокойтесь, езжайте домой и с экспертизой поторопитесь.

– А оформлять подписаться где-нибудь надо?

– Мы вас вызовем.

– А можно я все это фотографирую?

– Господи, да зачем?

– Не каждый раз увидишь такое – старинный мрамор как рафинад на фоне такой грязи.

– Ну, если с эстетической точки зрения... Ладно, только быстро, а то мы сейчас тут уже совсем замерзнем.

– Хорошо.

Освещение в форматорской было не аховое, но японская техника и не такое вытягивала. Особых изысков, конечно, не будет, но интересные снимки могут получиться. В конце концов, для чего-нибудь пригодятся. В последнее время у Вероники появилось такое хобби – снимать что-то интересное: не совсем обычную жизнь скульптуры, например. Вон, осенью, когда они с мамой отдыхали в Чехии, у нее целый цикл получился. Она с таким удовольствием снимала всю эту красоту, что украшает крыши гостиниц, дворцов и просто домиков, что там получились весьма интересные вещи – прямо-таки танцы на крыше. Некоторыми Вероника даже гордилась. Неизвестно, во что это выльется, но сейчас ей это было интересно. Если наберется приличное количество фотографий, можно и выставку организовать где-нибудь.

Присев на корточки, она начала снимать. Получались очень красивые вещи из серии «Гибель Марса»: вот блестящие мелкие крошки мрамора, а на втором плане кусок драпировки с вертикальными желобками. Прямо как морские волны. Или вот – довольно большая глыба от того, что некогда было латами, хорошо виден орнамент, а рядом глиняная крошка – чем не пыль веков. То, что когда-то было бедром античного воина, отвалилось самым большим куском, причем внутренняя часть была как-то странно отполирована уступами, и Вероника сняла именно этот ракурс. Внимательно присмотревшись, она обнаружила, что верхняя часть этого куска была покрыта каким-то веществом, будто цементом; кусочки его были и на еще остатках от лат. Вообще, странно – она думала, что это цельный кусок мрамора. Ведь именно за этим этого Марса когда-то Михаил Ефимович притащил его из юсуповской оранжереи. Выходит, что зря все страданья. Хотя почему бы нет, ведь в свое время все античные колонны были разборные, почему бы и торсам не быть разборными, просто так аккуратно было сделано.

– Ой, смотрите, тут какая странная поверхность получается. Это вроде бы должно быть внутри – а тут такое впечатление, что здесь было какое-то пустое пространство. Оно так обтесано аккуратно, как будто предназначалось для тайника.

– Вероника, я вас очень прошу, не забивайте себе голову. В конце концов, совесть имейте, мы тут скоро замерзнем, а вы ерундой занимаетесь.

– Все, все, я сейчас закончу через секундочку, вы извините меня, пожалуйста. – Вероника стала снимать наудачу, не задумываясь о построении ракурса, но все же сняла еще пару кадров этой интересной выемки. Вдруг пригодится. Потом придумает, что с ней будет делать.

– Ну, вот все.

– И отлично.

– Тамара Вячеславовна, голубушка, вы... Я понимаю, что все как-то неудобно, но вы нас чаем не напоите? А то скоро сосульки на носу вырастут.

– Я бы с радостью, но как вы можете, тут Алевтина Михайловна, а вы чай, как так можно, я вообще не знаю, как я теперь работать буду, а вы... вы чай...

– Да ладно, мы вон в «Пирог» заедем на обратном пути. А вам работать все равно не придется первое время, мы сейчас помещение печатаем, а вы его закроете и на сигнализацию поставите. Недельку переждать придется. Тем более что посетителей сейчас никаких у вас тут нет. А начальству я вашему позвоню.

– Не знаю, не знаю, как мне быть. Это вообще нарушение, что я Алевтину Михайловну одну пустила. По инструкции не положено было, но она вроде как своя, а у меня внук заболел, невестке надо на работу, а я одна с ним, пока то, се – опоздала.

– Ну, это уж ваши проблемы, как вы будете выкручиваться. Я понимаю, у вас какие-то вольные отношения с трудовой дисциплиной – охранник отлучился, вы опоздали, думаю, что если ваше начальство все это терпит, то и ваше опоздание вам простят.

– Конечно, сослала меня в этот сарай, кто же сюда еще поедет. Я только из-за близости к дому согласилась здесь работать.

Вероника полагала, что еще из-за того, что здесь, где присутствие начальства было лишь виртуальным, Тамара Вячеславовна могла неделями на работу не показываться, но об этом она тактично промолчала. Да и что говорить. Ну нашла дама на старости лет халявную кормушку, ну повезло, ну а с другой стороны – чему завидовать. Копеечной зарплате, которая никогда не изменится? Как говорится, стабильная нищета, как при социализме. Судя по внешнему виду этой мадам, она так и вышла из какого-нибудь советского НИИ, где всю жизнь могли просидеть и носки провязать до пенсии.

Но да бог с ней. Мадам интересовала Веронику поскольку постольку, так это у нее уже гипертрофированная неприязнь к людям музейной профессии, ей сейчас важно несколько иное. Как ни кощунственно все это звучит, но убийство Алевтины Михайловны вдруг как-то ярко окрасило ее жизнь, а то рутина была сплошная – на антикварном рынке совсем все затихло, экспертиза эта тоже удовольствие не из приятных – одни гипсовые Ленины да картинки третьеразрядные. Из всего, что она пересмотрела, вот этот Марсик да фарфоровые кашпо, которые она уговаривала продать Алевтину Михайловну, были заслуживающими внимания. Академик, видать, жил на широкую ногу и из наследства особых ценностей дочкам не оставил, вот и билась одна из них за это уголовное дело, в надежде подзабытое творчество Михаила Ефимовича пропиарить да с американских родственников что-нибудь срубить.

Одним словом, серость какая-то, а не жизнь была у Вероники последние месяцы. Сынуля сдает первую сессию, по этому поводу мама только и думает о здоровье внука, заботливо опекая его. Сейчас она переживает все его радости студенческой жизни, потом он уедет на каникулы. Они уже с однокурсниками лыжи пакуют, зима-то вон какая снежная. Бабуля к весне куда-нибудь на воды собирается. Она уже Веронике совсем непрозрачно намекала, причем так хитро, издалека. Сначала вроде бы засобирилась работать консьержкой в парадной, как будто Вероника это допустит, но подавалось все это с благими намерениями. Мол, да, конечно, кризис, все работают и ей предлагают. Она, мол, сэкономит себе на лечение, врачи ведь рекомендуют повторять и большие перерывы не делать...

Да, именно дежуря в парадной, она накопит денег на поездку в Карловы Вары. Ведь знает, что Вероника все сделает, а отправит ее на лечение. Кстати, у младенца каникулы в феврале, надо их параллельно запустить в отпуск, чтобы самой как-то отдохнуть от излишнего призора, расслабиться, подумать, посообразовать кое о чем, в конце концов, для души выставку организовать. А что, хорошая идея, надо же себя чем-нибудь порадовать. На «Раймонду» сходит, в что ли. Вот только не с кем. Платье французское есть, а идти не с кем.

Тот Виктор, московский гость, с которым Вероника как будто задрружила, все-таки таким странным оказался. «Не тот пассажир», как в модном фильме. Так вроде все при нем: и мускулы, и рост; и мужчина по все признакам еще работоспособный, но что-то такое непонятное с ним. Вроде и комплиментами сыпет, и какие-то знаки внимания оказывает, а потом исчезает вовсе. И что ей прикажешь думать? Нет, еще чего не хватало, чтобы переживать из-за

мужчины, ведь когда много лет живешь в автономном режиме и сама себе все решаешь, то тратить силы на всякую ерунду не приходится... Да, скучно... Но тут такое интересное событие, все какая-то затея. Поэтому Вероника решила прямо-таки не по-дружески серьезно подойти к вопросу о чаепитии.

– А, Сергей Васильевич, съездим в «Пирог», ведь тут рядом. И вкусно, и вполне демократично.

– Ну, с моей зарплатой это очень даже не демократично...

– А я вас приглашаю.

– Эх, Вероника, какая вам разведка доложила, что за эти пироги я душу продам, особенно за рыбные. Только угощение должностного лица свидетелем преступления и возможным подозреваемым – это коррупция...

– Сергей Васильевич... Если бы у нас все пирогами коррумпировались, в стране бы коммунизм был, оставьте вы ваши глупости, считайте, что это моя гуманитарная помощь всем правоохранительным органам в вашем лице. Поехали.

– Ладно. А ты, Серега, дуй в отдел, начинай оформлять, я подъеду скоро. Ничего, ничего, там согреешься. У меня в столе сушки есть к чаю.

Вероника закинула все свои котомки на заднее сиденье и, повернув ключ в замке зажигания, порулила за красненьким автомобильчиком бравого следователя. А дорожка у него, похоже, проторенная, не боится оставить свою талию в заведении.

В небольшом кафе пахло свежей выпечкой и ароматным кофе. Вероника, если честно, не очень любила перекусывать плюшками, но она очень замерзла, и время было уже почти к обеду, так что небольшой кусочек можно было себе позволить, тем более что до дома она будет добираться не меньше часа. Она заказала себе капучино и кусочек сладкого пирога с курагой, а вот товарищ в погонах решил оторваться по полной: оно и понятно, неизвестно еще, когда кормиться придется, – да еще и с собой пирог попросил. Вероника подумала и взяла себе рыбник с судаком. За ужином ее младенец умнет и не заметит.

Расположившись уютно за столиком и согрившись кофе, она решила аккуратно расспросить, что этот Сергей Васильевич думает обо всем этом.

– Да непонятно все это, зачем вообще огород городить с эти убийством нужно было. Ведь не затем, чтобы Марсика разбить... Это можно было сделать по-тихому. Судя по тому, что эта курица Тамара Вячеславовна вообще на работу не ходит, то тут с музейной коллекцией можно что угодно сделать.

– А сигнализация?

– А я думаю, она делает только вид, что на работе присутствует. Приходит, отключает и домой, а вечером на сигнализацию ставит. Видимость работы.

– А охранник?

– Кто, белорус этот?

– Молдаванин...

– Какая разница, да я не удивлюсь, что помимо этого сарая, где он регулярную зарплату получает, он еще в парочке универсамов подрабатывает. Еще та синекура. Начальство своими поганками занято, а тут хоть трава не расти.

– А может, родственники?

– Вот это можно проверить. Алевтина Михайловна, я как понимаю, выпить любила, надоела, наверное, зятю с дочкой, а на ней квартирка числится.

– Да нет, он вроде принципиальный у них – в те годы ни копейки не брал, свой бизнес с нуля построил, даже Михаил Ефимович его уважал.

– Ну, дорогая наша, бизнес бизнесом, а квартирка их на Песочной, что, плохая?

– Кстати, это одно из самых ценных вещей, что оставил ей Михаил Ефимович в наследство. Она пятикомнатная, планировка отличная, ремонт, правда, нужен, но это уже мелочи, и вид там из окон отличный.

– Вот и я говорю, с родственников надо копать, да и потом, то дело, в котором ты экспертизу делаешь, из виду упускать не надо.

– Да, конечно, мне кажется, им ее притязания надоели.

– Знаешь, Вероника, ты особо не умничай, понимаешь, убили они старушку или не убили – уголовное дело уже не закроешь, тут даже если потерпевший умер, против государства не попрешь. Вообще, мой тебе совет, заканчивай экспертизу, получай деньги и занимайся своим делом. Я тебе, конечно, должен спасибо сказать за прошлое дело. С людьми нужными меня свела, дело закрыли. Потом, вот я себе машинку какую-никакую взял, но совесть надо иметь тоже. Ты ведь по нашим законам первый подозреваемый. У нас как кто нашел труп – тот и виноват, а я тебя по этому поводу могу запросто арестовать. А я, заметь, этого не сделал, поскольку понимаю кое-что. Тебе вообще повезло, что я сегодня дежурил и на вызов приехал. А если бы не так, что бы ты делала? Куковала бы сейчас кое-где, а не чай тут распивала. Так что не лезь куда не следует.

– Нет, ну понимаешь, мне же тоже интересно – что с Марсиком-то случилось. Она же вроде как продавала его, и, по-моему, даже залог какой-то взяла, так что я вроде как виновата перед тем антикваром, он хотел весной скульптуру на дачу перевезти, а тут вон тебе – какие дела.

– И что, много денег стоит?

– Ну не знаю, он из тех, кто особо денег не переплачивает, но для Алевтины Михайловны и тысяча долларов тоже деньги. Насколько я знаю, у зятя она принципиально денег не брала, считая его плебеем и торгашом, а от американских родственников еще неизвестно когда что поступит.

– А конкуренты этого антиквара могли разбить скульптуру, ну, чтобы никому не досталась?

– Да ладно, за эти деньги... да это чудо, что он вообще ей заинтересовался. Нет, там народ такой: со стула не встанет, если десятка не светит. И потом, в этой среде на руки какой-то бабушке платить тысячу долларов – это слишком. Нет, это исключено. Да я думаю, что если бы кто-то ему предложил чуть больше – он бы уступил. Эту дуру на дачу везти – себе дороже. Грузчики, перевозка, установка. Я не знаю вообще, как его Михаил Ефимович в свое время перевозил. Хотя он в то время уже известный был, ему ведь в пятьдесят седьмом первую премию дали, преподавал, тот, наверное, на халяву студенты погрузили, да союз для перевозки машину выделил. Нет, мне вообще эти внутренности выдолбленные покоя не дают. А вдруг в них тайник был? Ну посмотри, как все аккуратно было сделано, и никто не догадывался, что скульптура полая. И потом, вообще непонятно, как ее разбили.

– Слушай, ну включи мозги. Так не бывает. Если ты один раз тайник с бриллиантами нашла, то почему ты считаешь, что везде они существуют? Ладно, давай закругляйся, спасибо тебе за поддержку нашего отдела в виде пирогов. Ребята там сидят на пустом чае. Езжай домой, не думай ни о чем, заканчивай работу, а я тебе позвоню в ближайшие дни, там расписаться в протоколах нужно будет. Может, даже завтра. Пока.

Глава вторая

Пока так пока. Вероника забрала свою коробку с рыбным пирогом, от которой исходил необыкновенно теплый аромат, и пошла на набережную Карповки, где была припаркована машина. На душе было как-то муторно, да и погода под стать: небо заволокло, и уже стали порхать редкие снежинки. Опять снега подсыплет, и так город завален сугробами, как в блокаду. Правда, вернувшись после новогодних праздников, все получили разгон, и город потихоньку стали убирать, но люди трезвомыслящие и практично смотрящие на жизнь уже давно обзавелись лопатами. Вероника тоже прикупила себе этот незаменимый сейчас аксессуар, и вот уже почти каждый день в течение месяца утро начинается свое с активной расчистки снега у машины. Жалко, что не все такие совестливые. Она откопает машину, уедет куда-нибудь, а вернувшись, обнаруживает, что место уже занято, приходится все заново делать. Так она уже почти треть двора очистила, да еще один сосед по несчастью такой же у них есть, так что их двор на фоне всего выглядит просто образцово-показательным.

Вероника завела машину, включила музыку и под тихую мелодию «Времен года» Чайковского вместе с остальными машинами в общем потоке двинулась домой. Хоть и проторчала она в мастерской из-за этого несчастья почти три часа, все же до часа пик было еще далеко, и практически к позднему обеду она успела. По пути даже заскочила на Сытный рынок, купила творогу, овощей и фруктов и не устояла перед огромным зеркальным карпом, а молочница из-под полы предложила еще и домашнюю курицу. Так что можно будет на сутки забыть о домашних заготовках и заняться делами. Все покупки оказались как нельзя кстати. Потому что с порога она услышала голос мамы:

– Вероника, ну где ты ходишь, я вся уже переживаю, представляешь, на дороге гололед, снег вон какой, а ты за рулем и не звонишь.

– Мама, ну можно же мне позвонить на мобильный.

– Ну, я опять забыла. Вообще что ты думаешь – у нас почти ничего нет, а мне звонила Диана Степановна, ну, та, что с нами отдыхала, у нее портниха в нашем районе живет, она здесь будет по делам у нее и к нам хочет заехать, я ее пригласила, а у нас даже угостить нечем.

– Мама, ну как это нечем! Если человек просто зайти решил, не предупредив, то вряд ли он может рассчитывать на парадный прием. А чай кофе, печенье-варенье и фрукты у нас всегда есть, бутерброды можно подать.

– Ну, в конце концов, может быть, мне с ней опять придется ехать. Ты знаешь, какая она, Диана Степановна. Она ведь вдова офицера... Не из простых.

– Ага, только она нас почему-то не особо приглашает, а ее надо встречать по-особенному. Ладно, не переживай. Сейчас карпа в духовку засунем, курицу отварим, чтобы бульон был, и из отварной сациви сделать можно. Если сил хватит, я блинчики испеку, салат приготовим, так что можно кого угодно принять, не только твою Диану Степановну. Да еще пирог с рыбой есть.

– Из «Пирогов»?

– Да, оттуда.

– Ну, тогда я спокойна.

– А когда она будет?

– Часа через два обещала зайти.

– Ну, я сейчас карпа поставлю, а сама пообедаю и потом закончу.

– Да я тебе супчик оставила.

Диане Степановне парадный обед, а мне, бедной голодной Веронике, супчик....

Засунув карпа в духовку, а кастрюлю с курицей – на плиту, Вероника ненадолго расслабилась, поела и с особым удовольствием заварила крепкий ароматный чай в серебряном чай-

нике. После всех передрыг сегодняшнего дня пара чашек породистого дарджилинга была лучшим способом прийти в себя. О плохих последствиях этого происшествия она даже не хотела думать. А они могли быть. За неполный год – втрое убийство ее клиента. После того случая с Клавдией Михайловной почти весь город шушукался за ее спиной. Но, правда, влияние московских товарищей сделало свое дело и отношение к ней в определенных кругах вновь стало стабильным.

Более того, слухи о том, какие сокровища она обнаружила в картинах, неизвестно каким образом курсировавшие по городу, придавали ей даже значительности в среде антикваров. Еще бы, большинство из них в «крепких мужских кампаниях» смаковали эпизоды своей молодости, рассказывая о фарцовках на галерее Гостиного или о том, как удавалось, дежуря на Наличной или «железке», перекупить у бабушке какой-нибудь породистый портсигар или солонку. А тут какая-то мадам – и вдруг деньги, бриллианты... Везуха, да и только.

Правда, сегодняшний случай не менее серьезный. Даже более. Ведь те убийства прошли как-то мимо нее, а тут все произошло рядом, может быть, именно в тот момент, когда она звонила в дверь. Хотя она не очень была в восторге от Алевтины Михайловны, но это было вполне безобидное существо. Ну, подумаешь, решила немного денег срубить, но в целом она была очень интересным человеком, немного наивным и восторженным, как многие питерские, даже нет, ленинградские интеллигентки, которые так и остались где-то там в 70-х, когда они были молоды и счастливы.

И вот этот безобидный старый человечек лежал мертвый, в крови. Так нелепо и глупо. От воспоминаний снова к горлу подступила тошнота, но ей удалось справиться. Расслабляться нельзя. И главное – не рассказывать ничего маме. Не надо ей волноваться. Это дело как-нибудь утрясется, а та нагонит страхов, того и глядишь, в больницу загремит, а ей, Веронике, это ни к чему.

Она налила еще чашку чая, капнула немного коньяку и выпила. Благородный напиток французских мастеров согрел ее и помог на минутку расслабиться и забыть о том сегодняшнем кошмаре. Тем более что из духовки уже запахло печеным карпом, а это значит, что пора наводить порядок и готовиться к приему мифической Дианы Степановны. Надо салат еще построгать, а то, судя по рассказам матушки, эта дама всерьез собралась здесь подкрепиться, а не просто чай распивать. Неизвестно, какие у нее аппетиты.

Чтобы оставить себе свободный вечер, она насыпала приправ в готовый бульон, половину курицы залила соусом «сациви» и приготовила домашней лапши, а чтобы та не сохла, засушила ее в холодильник. Ну вот, если от карпа что-нибудь останется, то можно будет не думать о домашних заботах и сосредоточиться на составлении экспертного заключения, чтобы завтра отвезти его и сдать кому нужно.

Она успела даже навезти порядок на кухне, и как только она убрала ведро со шваброй в кладовку и вымыла руки, как раздался звонок в дверь. Матушка открыла дверь, и послышался визгливый тонкий голос офицерской вдовушки, совершенно не вязавшийся с ее фигурой, похожей на платяной шкаф:

– Ой, как вам повезло, «сталинка», да еще в таком тихом районе. И как люди только умудрялись получать такие квартиры...

– Это мы покупали, Вероника расселяла эту квартиру.

– Да, конечно, честным путем в советские времена такое не заработать. Вон мой Анатолий Сергеевич столько лет отдал государству: и поездили мы немало, и по закрытым гарнизонам помотались, а толку-то что – вон, всего-ничего, мне осталась квартирочка-«хрущевка», да и ту пришлось на две однокомнатных поменять, чтобы сдавать и как-то существовать...

– Ну, знаете, мы-то же с мужем не сахар с медом кушали, все работали, а вот в нормальном жилье пожить пришлось только под старость лет...

– Да, тяжело стало жить, хорошо вам: вон дочка рядом, а мои как пошли служить, так по всей России.

– А ваши-то навещают вас?

– Да, по очереди, то я к ним навещаюсь, то они... А эта кухня у вас такая большая, как столовая...

Слава богу, Диана Степановна вырулила в нужном направлении, а то Вероника уже решила, что эти причитания на тему «вот вам хорошо, а меня бедную обделили» никогда не закончатся. Покушала бы она побыстрей да свалила к себе, а то у Вероники еще дел невпроворот, а при госте бы поприсутствовать надо. Она же важная птица, как говорит мама. А что, может, их вдвоем и отправить на какой-нибудь курорт? Все Веронике вздохнуть полегче придется. Она бы поразмышляла над чем-нибудь, выставку, может быть, организовала или роман какой-нибудь без бдительного присмотра бы закрутила, а то не продохнуть стало уже. Нет, положительно надо заканчивать эту тягомотину побыстрей. А то мадам до полночи разглагольствовать будет.

– Ой, Диана Степановна, а вы, наверное, проголодались, может, вы посидите тут с мамой по-домашнему?

Вдова заметно оживилась.

– Да я когда выехала, вроде покушала, а у портнихи проторчала почти два часа. К весне гардероб готовила: то там надо подшить, воротничок обновить. Сейчас, знаете ли, все дорого, а мы перед пенсией с мужем в Венгрии служили, ну там я отрезов набрала, даже невестке хватило. Сейчас-то таких тканей нет, и шьют все без припусков на швы, не перешить, не говоря уже о том, чтобы перелицевать.

Веронике это тема стала надоедать.

– А вы, Диана Степановна, кушать что будете? У нас и супчик есть с курочкой, и рыбка.

– Да, вы знаете, от горячего не откажусь. Супчику мне налейте. А рыбка какая? Карп... Нет, я побаиваюсь ее есть. Знаете ли, когда еще в Польше служили, то там много карпа было. Польки все его готовили, и я косточкой подавилась, с тех пор ни-ни.

Так, ясно, мадам решила на ужине сэкономить.

– Тогда я вам салат поставлю, супчику налью и пироги с рыбой и курагой к чаю. Мам, я сейчас накрою вам и пойду к себе, у меня дела.

Накрыв на стол и выставив дамам графинчик с коньячком (вдова, как она знала из рассказов, уважала французскую жидкость), Вероника ушла, прихватив с собой яблоко и стакан кефира, в свою комнату, прихватив ноутбук, блокнот и фотоаппарат.

Вообще-то она привыкла работать в гостиной, где стояло ее любимое бюро, книжные шкафы, уютный диван и лампы с абажурами теплого персикового света. Все это настраивало на романтический лад, хотелось написать о чем-то высоком, совсем научном, а не заниматься рутинной работой. Но теперь сегодня работать там под монотонное бормотание Дианы Степановны и мамы было просто невозможно. По-хорошему, ей сегодня закончить нужно было все дела, да и о другом подумать нужно.

Поэтому она со всем свои барахлом пошла в спальню, где работалось не так комфортно, но, по крайней мере, там будет поспокойней, если только мадам в продолжение банкета не захочет экскурсии по квартире. Так что нужно ловить момент.

Спальня для Вероники была прежде всего спальней и ничем более. В своей жизни она сменила немало мест жительства. Причем большую ее половину у нее не было даже своей комнаты. Сначала в родительском доме они жили вчетвером в маленькой половинке частного дома, построенном отцом после войны, где была большая комната, в которой обитали родители, служившая им спальней и гостиной, и детская маленькая, куда вмещалось пианино, письменный стол, кресло-кровать и раскладушка, на которой спала Вероника, как маленькая, вплоть до окончания школы. Потом у нее появилась своя комната в коммуналке, вмещавшая

в себе все функции, период замужества ознаменовался пребыванием в маленькой двухкомнатной «хрущевке», где главенствовали стенка, стол-книжка и раскладной диван, а полноценная спальня появилась только здесь в этом доме. И ее любимую она обставила с любовью. По случаю во время одной из сделок ей досталась оплата бартером в виде спальни из лимонного дерева в стиле модерн. Мама еще ругала ее за то, что ее обманули и втюхали эту рухлядь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.